

Nova West

ВЫШЕ ЗВЁЗД

Выше нас. Книга 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Nova West

"ВЫШЕ ЗВЁЗД"

«Автор»

2026

West N.

"ВЫШЕ ЗВЁЗД" / N. West — «Автор», 2026

Эта книга родилась из любви к скорости, ветру и свободе. Я хотела рассказать историю о девушке, которая потеряла всё. О парне, который пожертвовал всем, чтобы защитить любимую. О друзьях, которые стали семьёй. И о том, что даже в самые тёмные времена можно увидеть свет, если знать, куда смотреть. «Выше звёзд» — это вторая часть серии. Если вы не читали первую книгу «Выше горизонта», настоятельно рекомендую начать с неё, чтобы погрузиться в мир героев с самого начала. Моя книга для тех, кто верит в любовь. Даже когда кажется, что всё потеряно. Она чувствует его запах. Видит его тень. Слышит его голос. Но он мёртв. Или нет? Николь Платова потеряла Сашу. Он разбился на трассе у неё на глазах. Она видела, как горел его байк. Но ночью, когда город засыпает, она чувствует его запах. Тот самый, от которого когда-то перехватывало дыхание. Слышит его голос. «Выше звёзд, мелкая» Это её безумие? Или это что-то другое — что-то, что связывает их сильнее смерти? Николь должна узнать правду.

© West N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1. 30 дней без него	8
Глава 2 В память о Саше	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

"ВЫШЕ ЗВЁЗД"

Глава

Пролог

Шквал

— Ты слишком медленно заходишь в повороты.

Николь сорвала шлем так резко, будто он горит. Её волосы мокрые, упали на плечи, а щёки покраснели. Взгляд блестел, так яростно она смотрела на меня.

— Я прошла его чисто.

— Чисто — не значит быстро. — Я прислонился бедром к её байку, скрещивая руки. — Ты тормозишь раньше, чем нужно. Боишься завалить байк.

Она смотрит на меня так, будто я только что назвал её трусихой. Видел, как она прищурилась, будто принимая вызов.

Знаю этот взгляд. Я его обожаю. Она была такой разной, могла быть нежной и хрупкой, а через миг невероятно стойкой и упрямой.

— А ну, отойди, от моего байка, — говорит она тихо. Очень тихо. Когда она так делала. Это было куда опаснее, чем, когда она кричала.

Я не шевелился. Мне нравилось играть с ней. Стоило признать, я делал это специально, провоцировал её.

— Покажи мне.

— Что?

— Что ты можешь быстрее меня.

Она молчала. На дороге пахло свежестью после вчерашнего дождя, прохлада бодрила. Но ещё лучше, я чувствую аромат Николь. Он сводил с ума, как и вся девушка.

— На что спорим? — Николь резко встала передо мной.

Сейчас она была такой красивой. Взъерошенная кошка, которая явно хотела доказать мне, что ничего не боится.

— Если проиграешь — признаёшь, что я прав.

— А если ты проиграешь?

— Не проиграю.

Она кивает на байк и складывает руки на груди, копируя меня. Честно? Меня всё это забавляло.

— Погнали, Шквал. Посмотрим, кто здесь боится поворотов.

Николь

Мы выехали на трассу за полчаса до заката.

Это моя идея, где нет машин. Где асфальт ещё хранит дневное тепло. Саша ехал слева, не обгоняет, просто держится рядом. Дразнит.

Я выкручиваю газ.

В первый поворот вхожу так, как он учил. Поздно. Низко. Коленка почти касается асфальта. Байк дрожит на грани, и на секунду, мне кажется — сейчас скинет. Но я удерживаю баланс.

В зеркале заднего вида — Саша. Не отстаёт. Конечно, не отстаёт.

На прямой мы сравнялись, Саша поднял визор, и я вижу его улыбку.

Охренительно самоуверенную. Ту, которая бесила меня в первый день знакомства. Ту, без которой я теперь не дышу.

— Неплохо, мелкая. — Саше пришлось кричать, чтобы я могла слышать его. — Но я быстрее.

— Докажи.

Он доказывает.

На следующем повороте он проходит там, где я бы побоялась. Внутренний радиус, гравий на кромке, риск свалиться в кювет. Его байк ложится почти плашмя. Я выдыхаю — и не замечаю, что задерживала дыхание.

Он выпрямляется первым.

На финише я останавливаюсь в трёх корпусах позади. Снимаю шлем, не глядя на него. Злюсь. На себя. Потому что он прав, он, блин, всегда прав.

— Признавай, — он заглушает байк, спрыгивает и идёт ко мне. Легко. Так, будто только что не играл со смертью на скорости под двести.

— Ты самоуверенный козёл.

— Это непризнание.

— Это факт! — говорю я.

Он останавливается вплотную. Берёт шлем из моих рук, вешает на руль. Я смотрю в его глаза — синие, как небо перед грозой.

— Ты быстрая, — говорит он, уже не дразня. Ну спасибо.

— Но иногда быстрая — это не значит живая. Ты гонишь, но не чувствуешь. Слышишь? Я сглатываю, ком, что режет в горле.

Потому что он прав. Снова.

— А ты чувствуешь? — спрашиваю тихо.

Он не отвечает. Вместо этого проводит большим пальцем по моей скуле — там, где въелась пыль от трассы. Убирает волосы с лица.

— Я чувствую, когда ты рядом.

Внутри что-то ломается. Хорошо ломается. Приятно. Как будто рёбра расступаются, чтобы впустить его внутрь.

— Это самое тупое, что ты говорил, — шепчу я.

— Нет, — он улыбается. — Самое тупое я скажу позже.

— Что?

— Понятия не имею.

Я смеюсь. И вижу улыбку и ямочку на его щеке.

— Саш.

— Мм?

— Как думаешь, что выше горизонта?

— Звёзды.

Он поворачивает голову. Смотрит на небо. Потом на меня. Глаза темнеют, взгляд становится глубже.

— Это когда уже не важно, что внизу. Падаешь или летишь — неважно. Главное — не смотреть вниз.

Я запоминаю каждое слово.

Тогда не знала, что через несколько дней он научит меня смотреть вниз. В карьер. В пустоту, где когда-то был он.

Но сейчас — сейчас он рядом. Живой. Тёплый. Настоящий.

И я тянусь к нему первая.

Целую так, будто это последний раз. Потому что с ним каждый раз — как последний.

Он прижимает меня к себе. Шепчет в волосы.

Я утыкаюсь лицом в его шею. Пахнет кожей, потом и свободой.

Мы ещё не знаем.

Ничего не знаем.

Глава 1. 30 дней без него

Николь

Всё проведённое время рядом с Сашей казалось сном. Прекрасным, но коротким. А время без него — бесконечным кошмаром.

Я остановилась у нашего... своего дома и заглушила байк. Двигатель дёрнулся в последний раз, чихнул выхлопом, и тишина упала на плечи, как мокрое одеяло. Я сидела, вцепившись в руль. Кожаные перчатки скрипели, когда я сжимала пальцы. Пахло горячим металлом и бензином — тот самый запах, от которого у Саши загорались глаза. Теперь он просто резал нос.

Просидела несколько минут, восстанавливая внутренний контроль.

Приходится учиться заново искать ту твёрдую платформу под ногами, чтобы смотреть на мир. Мир, который больше не такой яркий, будто я стала видеть всё в чёрно-белом цвете. Будто потеряла вкус и запах жизни. Или у художника закончились краски вместе с вдохновением.

Экран телефона засветился. Корсар.

Я не участвовала в гонках с того дня, когда погиб Саша. Не ходила в универ. Я просто лежала на кровати или всю ночь ездила по пустым улицам. Только вот скорость не давала ни сил, ни спокойствия, ни облегчения. Как раньше, теперь не будет.

Никогда.

— Да, — я сняла трубку.

— Ники, привет... — Ренат замолчал, видимо, не ожидая, что я отвечу. Предыдущие разы я не брала трубку. — Сегодня гонка...

— Ренат... — перебила я парня. Ещё не была готова. Не уверена, что смогу нажать на тормоз, когда скорость перейдёт опасную отметку.

— Не перебивай! Перед тем как ты скажешь «нет», послушай... — чувствовалось, как парень выбирает слова. — Эта гонка — в память о Шквале. Можешь прятаться, но хотя бы не сегодня. Он не только для тебя много значил.

Я слотнула ком, который царапал горло до крови.

— Я тоже его знал. И хорошо. Он был лучшим гонщиком и хорошим парнем. Для меня это тоже потеря.

Он замолчал, и секунды разговора растянулись. Я смотрела, как время капало, и только когда поняла, что щёки обжигают слёзы, выдохнув, спросила:

— Во сколько?

Парень ответил не сразу. Его настроение и голос соответствовали теме гонки.

— 22:00, то же место.

Пришлось приложить много усилий, чтобы не кинуть телефон в стену.

— Заявляй меня в каждый заезд, — ответила я и нажала на красную клавишу слишком резко.

Обернувшись, осмотрела двор. Тихо. Посмотрела на балконы — и грудь сдавила боль. Та, что стала обычным делом. Мне иногда казалось, что мы с ней стали одним целым. Потому что она была со мной каждую секунду моего времени.

Нашла в списке контактов номер подруги. Единственного человека, с которым могла говорить. Девушка ответила сразу после второго гудка.

— Николь! Что случилось? — в панике спросила Алиса.

— Алис, сегодня гонка в 22:00... — я посмотрела на время. Ещё три часа. Снова обернулась — мне показалось, что кто-то смотрит на меня. Но во дворе шёл мужчина с большой собакой, и всё. Я схожу с ума. Эта паранойя.

— Я знаю. Ты поедешь? — спросила девушка, с сомнением в голосе.

— Да.

Девушка молчала, явно обдумывая моё решение.

— Тогда увидимся. Я приеду с Ваней.

Я отключилась. Мои разговоры с Алисой, наверное, были грубыми, но иногда просто не хотелось прощаться. Это был мой новорождённый страх — прощаться. Будто человек мог исчезнуть. Или умереть. Бред, наверное.

А может, и нет. Саша же исчез.

Я снова завела двигатель — стартер зарычал, и вибрация пробежала по рулю, впилась в ладони. Тёплая, живая. Единственное, что я ещё чувствовала кроме боли. Байк. Я выкрутила газ. Так и не поднявшись домой.

У меня было время, чтобы сегодняшняя гонка точно осталась в памяти всех. Всех кто знал Сашу. Когда он был с нами.

Проезжая на автомате знакомые повороты, я ощущала холодную пустоту внутри. Даже место маминой гибели не вызвало никаких чувств. Будто я сама не жива.

Остановилась около большого гаража и, сняв шлем, зашла в открытые ворота.

— Николь? — спросил знакомый голос. Зелёные волосы парня потеряли яркость и стали салатовыми. Видимо, он давно не обновлял цвет.

— Привет, Гринч! — сказала я.

Парень в несколько быстрых шагов подошёл ко мне и обнял.

— Рад тебя видеть. Я звонил.

Кучу раз. Это было так, а я игнорировала. Как и всех остальных. Стыдно мне? Нет.

— Знаю, — сказала я, когда парень разомкнул объятия.

Он осмотрел меня. Да, вид у меня был не праздничный.

— Ты похудела... — Гринч нахмурился и покачал головой.

За последние тридцать дней кофе был основной едой, а ну и сигареты. Конечно, слова минздрава звучали в голове, как и текст, что красноречиво написан на пачке: «Смерть». Но какая разница... Я уже умерла.

— Слежу за фигурой, — сказала я без доли улыбки. Улыбка осталась на той трассе и сгорела вместе с Сашей.

— Хм... — парень покачал головой. Его взгляд забежал. Ему неловко? Думаю, он не знает, что и как сказать.

— Что-то с байком? — спросил Гринч, отходя к стеллажу. Мне показалось, он не захотел смотреть мне в глаза. Многие мужчины делают так, когда не вывозят женские эмоции. Они уходят или отворачиваются.

— С технической частью всё ок... — я осматривала гараж, подошла к полке, на которой было выгравировано «Лёха/Саня», и коснулась рукой букв. Саша. В голове снова появилось его лицо. Я проморгалась.

Его облик был передо мной так часто, что казалось, будто он всё ещё где-то здесь.

— А что тогда? — спросил Гринч, оказавшись у меня за спиной. Я даже не слышала его шагов. Парень проследил за моей рукой, и его выражение лица было красноречиво. Он понимал меня.

— Надо перекрасить мот. Точнее, полосы, — сказала я, кивнув на байк.

— Чёрные?

Он знал всё без уточнения. Я кивнула. Невозможно было понять, одобрил он эту затею или нет, но это ведь мой байк?

— Сделаем. Когда надо?

— Сейчас.

Парень посмотрел на меня удивлённо.

— Ты собираешься на гонку?

Судя по всему, все уже знали причину этого события.

— Да! — Я взяла баллончик и покрутила в руке.

Мой байк был точной копией Сашиного. Как мы выяснили, он даже того же года выпуска. Отличие — кастомные полосы-вставки. На этих моделях они были белые, но я перекрасила их в розовый, а Саша — в чёрный. Мне было важно проехать гонку сегодня, именно на точной копии байка Саши.

Егор достал скотч для покраски, респиратор и плёнку, чтобы прикрыть пластик. И мы принялись за дело. В экипе было неудобно — плотная кожа стягивала движения, пришлось снять куртку.

— Давно набила тату? — спросил Егор, а я инстинктивно дёрнула руками, надевая защитные очки.

— Через неделю после...

Парень кивнул.

Я набила две тату. Короткие, но они для меня были напоминанием о том, когда я была живой. «Выше горизонта» — на левой руке. Ближе к сердцу. «Выше звёзд» — на правой.

Небо, на которое я больше не смотрю. Стараюсь не смотреть. Потому что каждая звезда теперь — это он. И я не могу смотреть на них без боли. Но я хочу, чтобы он видел. Чтобы знал: я помню. Я не отпускаю. Даже если он ушёл, я остаюсь с ним. Навсегда.

Никто не видел их, даже Алиса. Когда она приходила, я была в толстовке. На обратной стороне рук, предплечья — ещё немного покрасневшая кожа. Только вчера сняла плёнку.

— Красиво... — сказал он.

И больше не задавал вопросов. Мы начали красить.

Управились быстро. Краска сохла молниеносно. И когда я сняла последнюю полоску скотча, отошла в сторону и посмотрела на нашу работу. Гринч молчал, просто неотрывно сканировал байк, как и я. Сердце сжалось.

Казалось, Саша сейчас резко зайдёт в ворота гаража и скажет: «Долго тебя ждать, мелкая?»

Я снова ощутила тяжесть в горле и жжение в глазах. Но всё это было ерундой в разрезе той боли, от которой кровоточило сердце. Казалось, оно билось с трудом. После каждой попытки качнуть кровь по венам, сердце пыталось отдохнуть, перед следующим стуком.

— Точная копия, — сказал Егор, тихо, будто — то сам себе.

То, что было нужно. Байк было не отличить от Сашиного. Если только не вспомнить, что его был грудой искорёженного металла с нагаром.

— Ты приедешь? — спросила я друга.

Он кивнул, развернулся и ушёл в дверь, что вела в другой гараж. А я обводила каждый сантиметр пластика и вспоминала, как Саша сидел на своём байке. Видела его лицо и дурацкую улыбку. Самую любимую и бесящую. Его растрёпанные волосы, когда он снимает шлем.

— Николь...

Я обернулась на Егора, который держал в руках шлем. И не могла поверить. В руках у Гринча был шлем. Саши. Судя по всему, один из. Он был в нём несколько раз на гонках. Чёрный, матовый, с подсветкой.

— Я хотел отдать тебе сразу, но было не время... Это его любимый... — Егор протянул шлем, и слеза всё-таки скользнула у меня по щеке.

— Почему он у тебя? — спросила я скорее на автомате, чем успела обдумать. В день аварии он был в другом, похожем — глянцевом и без подсветки.

— Он оставил его, когда чинил твой байк...

Я открыла визор, рассматривая шлем, как будто видела что-то необъяснимое для себя. А в груди всё тонуло в боли.

— Спасибо.

Я подошла и обняла парня. Он, судя по всему, не ожидал, но его рука легла на мою спину. Парень похлопал по спине.

— Когда будет невыносимо... я здесь, — сказал он.

Я открыла рот. Ни звука. Сжала губы так, что они почти побелели, и просто кивнула. Один раз.

Парень понял. И не требовал ответа.

Я отошла, повесила шлем на ручку байка и трясущимися руками достала пачку. Взяла сигарету, прикурила и сделала глубокую затяжку. Чувствовала, как на меня смотрит Егор. А я не могла отвести взгляд от байка.

— Николь, ты должна начинать жить... — Гринч говорил тихо, спиной облокотившись на косяк ворот.

Я выдохнула дым. Слезы я не вытирала — смысла нет. Я привыкла, что моё лицо мокрое. Кожу иногда начинало щипать от соли, но боль была приятной.

— Тот, кто умер, не может жить...

— Если бы он видел, то убил бы меня, — парень кивнул на сигарету. Я сделала ещё затяжку.

— В том-то и дело... — я выдохнула медленно. — Он не видит, Егор.

Парень молчал. Ему нечего было сказать.

Если бы Саша видел, как я выгляжу, он бы рвал и метал. Под глазами синяки, которые я даже не замазываю. Кожа бледная, и я потеряла точно килограмм пять, может десять. И сигареты... Можно было утопать в алкоголе, но мне не нравился вкус. Саша никогда не пил. Но лёгкий привкус табака был с ним всегда. Сейчас напоминал мне поцелуй, только без корицы.

Я посмотрела на время: осталось минут сорок до начала. Затушила сигарету, которая закончилась слишком быстро.

Мы не стали прощаться, но я пообещала заехать на днях — проверить байк и поменять масло.

Я оставила свой шлем у Гринча. Я прижала шлем к груди. Пластик был холодным, но внутри, на подкладке, ещё как будто хранилось тепло. Или мне просто, казалось.

Когда застегнула замок, я перестала дышать. Шлем пах Сашей.

Я вдохнула — кожа, пот, бензин и корица. Его запах. Тот, от которого у меня перехватывало дыхание ещё тогда, на балконе, когда мы впервые встретились.

Я закрыла глаза и представила, что он рядом. Что он смотрит и улыбается своей дурацкой улыбкой. А когда открыла — его не было. И не будет.

Так же, как и в его квартире, в которую я пробиралась несколько раз в открытую дверь. Его отец не продал её, и я думаю, что даже не был там. Всё осталось так, будто Саша мог вернуться в любой день. Его вещи, запах — всё было на своих местах.

Тайком я забрала его кожанку и толстовку — на случай, если его вещи выкинут. Нашла свой рисунок, что приклеила ему на балконную дверь, и положила в свою тумбу у кровати. Заглядывала в неё каждый день пересматривая. Как и слушала голосовые — боясь забыть его голос.

Я ехала по дороге, обгоняя машины, вспоминая последние дни. Не уверена, что смогу пустить кого-то в свою жизнь. Что кто-то сможет занять его место. Я всегда буду сравнивать с ним. Всегда. И никто не сможет стать лучше него.

Не задолго до аварии, Саша, сказал, что я слишком медленно захожу в повороты. Сказал, что я боюсь.

-Саш, я больше не боюсь.—это был шёпот в шлем. Как признание того поражения.

Самое ужасное — любить того, кого больше нет. Просыпаться и забывать на секунду. А потом вспоминать. Снова. И снова. Это не боль. Это добровольный мазохизм. И я подписалась

на него в тот самый день, когда он сказал: «Выше звёзд». А может, и раньше, когда увидела его на балконе, или на гонке. Или, когда он первый раз поцеловал меня. Не знаю.

Знаю только одно: я бы выбрала эту боль снова.

Я подъезжала к базе и снова видела те же прожекторы, знакомые машины и байки. Были и те, кого я не знала — всё же меня не было тридцать дней.

Играла знакомая песня «Self Aware»-LUM!X. Под неё я ездила ночами по городу. Легче? Нет только хуже ощущала себя внутри.

Тот же контейнер, экран и Корсар, что не кричал в микрофон. Он сидел у диджея, чей репертуар почти не менялся. Толпа не была такой весёлой. Находился тот, кто улыбался, но общая атмосфера была гнетущей. Нелегальная гонка — это всегда было что-то интересное, запретное и незаконное.

Я видела, как на меня оборачиваются. Каждый гонщик. Видела, как встал Ренат и смотрел, не понимая, что происходит. Байк. Они видели байк. Возможно, заметили шлем и, конечно же, меня.

Сокол, Алиса и Мороз стояли в стороне. На нашем месте. И они были в таком же шоке, как и остальные. Но я не смотрела на них. Я смотрела на экран за спиной Корсара, на котором во весь размер была фотография Саши. Он сидел на своём байке — сжимал в руке шлем. Именно тот шлем, что сейчас был на моей голове. Саша улыбался, глядя куда-то в сторону.

Я остановилась посередине. Хотела рассмотреть каждую черту. Подняла визор.

Никто не подходил. Я просто смотрела на экран. И через несколько секунд оторвала ноги от земли и подъехала к друзьям. Меня бросило в жар. Истеричные волны прошлись всему по телу, заставляя покрыться потом.

Я поставила байк на подножку и стянула шлем.

— Привет, — сказала я. Без улыбки, без эмоций. Просто слово. Нет, я была рада видеть друзей, но у меня не было внутри энергии радоваться им.

— Привет... — друзья меня понимали, и хоть Сокол попытался выдавить из себя улыбку, она получилась гримасой.

— Рада, что ты здесь, — сказала Алиса и первая подошла, чтобы обняться. За ней Сокол — неловко, но крепко. Мороз подошёл последним. И в его объятиях почему-то, я почувствовала такую же боль.

— Ты плохо выглядишь, — сказал он то, о чём молчали остальные. Это прозвучало не как упрёк. Как приговор. Спасибо, мне уже сделали комплимент два часа назад.

Я посмотрела на его руки. Такие же, как у Саши. Широкие ладони, длинные пальцы. Вспомнила, как Саша сжимал мои пальцы на светофоре, когда мы ездили двойкой. Как шептал: «Доверься мне». И я доверяла. Всегда. А теперь я не доверяю даже себе.

— Знаю, — сказала я, и парень сделал шаг назад, отпуская меня. Видела, как он покоился на байк.

Я сняла куртку и бросила её на руль. Было невыносимо душно. Села на байк и достала из набедренной сумки пачку.

Алиса резко подошла и быстро, но аккуратно взяла мою руку, которую я поднесла ко рту в попытке сделать вдох никотина.

— Когда ты успела сделать тату?

Я пожала плечами. Парни переглянулись.

— Недавно, — ответила я подруге, перехватив сигарету в другую руку, и затянулась. Лёгкие окутал дым. Глаза девушки блеснули.

— Что здесь написано?

Я подняла обе руки, сгибая в локтях, так чтобы увидели сразу все друзья.

— «Выше горизонта», — дёрнула я левой. — «Выше звёзд», — дёрнула правой. — Это всё, что у меня осталось.

Конечно, понимала, что это грубо. Но мне не пятнадцать лет. Я страдаю, умираю каждую ночь. Болею и снова умираю. Будто каждый раз срываюсь с трассы и лечу в карьер. И имею право на грубость. По крайней мере, я убеждаю себя в этом каждый день.

— Атом, — тихо сказал Мороз.

Я резко обернулась, чуть не соскользнув с байка. Просканировала толпу, что ещё кидала на нас взгляды. С другой стороны стояли Ян и Руслан. Друг смотрел на меня в удивлении, и я пропустила мимо его взгляд.

Мы не общались. Он закидывал сообщениями и звонками, но его ждала та же участь, что и остальных. Полный игнор.

Парни, с которыми общался Саша, смотрели в упор на мой байк и что-то говорили. Несколько знакомых из другого города — узнала по байкам. Несколько новеньких среди них. Гринч, который смотрел на меня, быстро кивнув. С ним какой-то парень — видимо, они подъехали несколько минут назад, потому он не успел снять шлем.

И Атом.

Он остановился около своей звериной толпы и посмотрел на меня. Если бы через расстояние можно было убить, я бы убила. Казалось, от меня летели искры — так сильно я сжимала руки.

— Николь... — окликнул меня Мороз.

Атом мне подмигнул — скорее устало, чем насмешливо. Я посмотрела на Богдана.

— Я в норме, — сказала я развернувшись. Чувствовала, как спину печёт от взглядов. Обернулась ещё раз, окинув толпу. Но взгляд так никого и не нашёл.

— Участники и зрители! — начал Корсар.

Я посмотрела на парня. Он вовремя спас меня от вопросов друзей.

— Я не з... — парень запнулся. Впервые я видела, как Ренат при толпе показывает слабость. И нахмурилась, сама не узнавая Корсара. — Не знаю, как правильно... Хочу сказать...

Парень снова убрал микрофон от лица. Толпа стихла.

— Я не был близким другом Саши. Но его брата знал отлично. Я хочу посвятить сегодняшние заезды братьям.

Он замолчал. На последнем слове те, кто знал Корсара хорошо, могли услышать, как дрогнул голос. Не знала, что он дружил с братом Саши.

— Мы все знаем риски гонок. Не забывайте об этом. Сегодня я лично плачу победителю! — парень осматривал толпу. — Они были честными гонщиками. Покажите своё умение и мастерство в память о них.

Толпа молчала. А Корсар посмотрел на меня и кивнул. Он знал, что для меня важно, чтобы прозвучали слова о Саше. Пусть это и причиняет мне боль, но мне это важно.

— Поехали! — сказал Корсар, и в его голосе не было азарта или веселья. Это была тихая просьба.

Атом посмотрел на меня. Долго. Так, будто ждал. Я не отвела взгляд. Пусть видит. Пусть знает. Я не сломалась. Я просто стала другой. И если он снова попытается меня скинуть — я врежусь в него первая. Назло. В память. Чтобы он понял: Шквал, может, и ушёл, но его тень осталась. И она будет преследовать его до конца.

Я посмотрела на Сокола и Мороза. Ваня надел перчатки, а Богдан — шлем. Он тоже поедет?

Богдан посмотрел на меня, подтверждая мои мысли.

Я кивнула. Атома всё ещё стоял у своей толпы, но смотрел не на меня. На байк. На шлем. На тату.

Он знал.

Я видела это по его лицу. По тому, как дёрнулась его челюсть.

Улыбнулась. В первый раз за тридцать дней. Улыбнулась так, как улыбался бы Саша. Холодно. Опасно. С вызовом.

Я надела шлем. Застегнула замок. Запах Саши заполнил лёгкие. Вдох. Выдох. В голове — его голос: «Выше звёзд, мелкая».

Завела байк, продолжая привлекать взгляды.

Даже если он попытается меня скинуть — плевать. Увижу Сашу раньше.

Наконец-то.

Глава 2 В память о Саше

Николь

Я встала на стартовую линию. В голове снова всплыло последнее голосовое Саши. Пыталась заглушить звуки и дышала. Горечь во рту после выкуренной сигареты щипала язык.

Два заезда по десять участников. Реванш-маршрут. По которому ехал Саша в тот день.

Заиграла музыка, прожекторы начали разгораться под бит. В заднее зеркало я видела, как Корсар смотрит на меня.

Рядом со мной остановился Мороз, взгляд парня был мутным. Справа — Сокол. Он крутанул газ, привлекая моё внимание. Я подняла визор, посмотрев на Ваню. Он протянул кулак, чтобы я ударила по нему. Не сразу, но я сделала это. Их поддержка, от которой я отказывалась, сейчас была нужной, как моя нужна им. Парням тоже было тяжело.

Сама не успев сообразить, протянула руку Морозу, привлекая внимание. Он опустил руку, коснувшись костяшками моего кулака. Не больно. Скорее аккуратно, ободряюще, мол: «Я знаю, что тебе нужно». Парень кивнул мне, я сделала то же самое и опустила визор. Положила руки на холодный руль и посмотрела вперёд.

Перед нами вышла грид-гёрл. Она не улыбалась, как обычно. Я вообще сегодня видела мало улыбок. И правильно. Это не веселье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.